
Вальтер ШУБАРТ

Европа и душа Востока

За перевод этой книги с немецкого языка, ее подпольное ротаторное издание в 1943 г. и распространение среди советских военнопленных Владимир Дмитриевич Поремский, сын русского офицера-эмигранта, был приговорен к высшей мере наказания в Германии и — чуть позже — в СССР. Почти до конца войны он находился в камере смертников немецкого концлагеря, в последний момент сумел избежать аналогичной участи в собственном отечестве. Счастлиное стечение обстоятельств спасло его и от покушения, организованного КГБ ■ 1955 г. во Франкфурте.

Всю жизнь остающийся патриотом России и противником большевизма, В. Поремский стал одним из вдохновителей Народно-трудового союза и издательства «Посев». В этом издательстве увидели свет второе, а затем третье (1947 г.) издания книги (по последнему мы воспроизводим нижеследующие фрагменты).

Автор книги — немецкий философ Вальтер Шубарт — до конца войны скрывался от мести фашистских лидеров в Риге под покровительством ее коменданта, прославившегося участием в неудачном покушении на фюрера. Следы философа и его русской жены теряются в 1945 г. после прихода в Ригу советских войск...

На немецком книга Шубарта была впервые опубликована в 1938 г. одним из швейцарских издательств и переиздана в 1956 г. в ФРГ с предисловием Г. Бёлля. Редакция предлагает вниманию читателей первые три главы этого многопланового труда, которые отражают общую философско-историческую концепцию автора (достаточно оригинальную, хотя и несущую на себе явный отпечаток учения О. Шпенглера), а также четыре последние главы, содержащие размышления о современных автору исторических процессах, о грядущей судьбе мировой цивилизации и особой роли, какую способна сыграть в ней Россия.

Некоторые рассуждения и прогнозы Шубарта покажутся современному читателю наивными, хотя и они сохраняют исторический интерес, позволяя увидеть события в СССР 30-х годов глазами доброжелательно настроенного европейца, механизм внушения иллюзий, умело использовавшийся сталинским режимом. Мы сочли излишним снабжать публикуемый текст дополнительными комментариями. Завершим же эту краткую информацию выдержкой из предисловия переводчика к первому русскому изданию, звучащей удивительно актуально спустя без малого полстолетия.

«...мы, русские, стоим сейчас на перепутьи. Радужные надежды на лучшее будущее нашего народа чередуются с самыми мрачными предчувствиями. Воля к полноценной национальной жизни живет где-то рядом с покорностью любой судьбе. К чему мы скатимся — к шовинистическому чувству ненависти и жажде реванша, или к рабской покорности колониальных народов? Все для нас возможно или кажется возможным. Сомнительно для нас и желаемое. Чего мы хотим и к чему должны стремиться? Разобраться в этих вопросах и помогает исследование Шубарта. Помогает он не нахождению математической формулы «дважды два — четыре», а согретым горячей любовью художественным образом.

Слишком часто и много чернили нас наши хулители. На этом фоне целебным диссонансом звучат слова Шубарта. Не гордостью должны они наполнять наши сердца, а призывом в годы смуты и колебаний обратиться к лучшему, что в нас есть. На этом лучшем строилось все

светлое в нашей тысячелетней истории. Оно сохранилось и за уродливой маской большевизма, и вопреки ему. Вновь обрести это лучшее и творчески утвердить его не только в умозрительной схеме, но и в новых формах человеческого общежития — такова задача нашего и грядущих поколений».

А. НАЗАРЕТЯН, доктор
философских наук

Ритмика мировой истории

(Учение об зонах*)

Согласно закону эволюции, действия которого мы чувствуем, не имея возможности их полностью объяснить, духовные события совершаются в некоей ритмической последовательности. Перед взором, обращенным назад, на человеческую историю, отдельные эпохи вырисовываются с теми резко выраженными и существенными для них чертами, которые определяют как духовный облик обществ, так и духовный облик отдельных личностей. Эонические прототипы, основные душевные прообразы, с резко очерченным характером, в постоянной смене следуя один за другим, стремятся найти свое воплощение в живом человеческом поколении. Развитие каждого из этих прототипов и его борьба против своих предшественников и последователей и придают истории культуры ритм и часть ее напряженностей и противоречий.

Прототип выходит за рамки наций и рас — он может охватывать целые континенты. Трудно сказать, где находятся границы его действия, но в этих границах своего господства он все пронизывает своей своеобразностью, все, вплоть до последней человеческой личности, не лишая ее, однако, тем самым моральной свободы. Отдельная человеческая личность принуждена ориентироваться на этот прототип: она его может или воплощать, или себя ему противопоставлять, но ни в коем случае не игнорировать. Она должна его признавать; ведь и сопротивление есть форма признания. Эонический прототип ставит большие вопросы эпохи, он заставляет звучать доминанты, по отношению к которым отдельные личности разыгрывают обертоны в некоем контрапунктическом сочетании. Он, наконец, ставит большие духовные рамки, в которых индивидуумы с их частными желаниями и целями движутся в меру своей моральной свободы.

Каждый раз, когда человечество оплодотворяется новым прототипом, творческий процесс повторяется сначала, и горячее ощущение молодости охватывает культуры. Только тогда кажется найденным смысл существования. Все до этого времени бывшее становится как бы завершенным, пройденным этапом, достойным осмеяния. Начинается «новое время». Но и оно когда-то становится старым и уступает место более новому. За этой сменой эонических прототипов скрывается, вероятно, какой-то темный закон, согласно которому божественные силы вливаются в вещный мир и снова его покидают. Об этих закономерностях можно лишь догадываться, их нельзя объяснить во всех деталях. О них можно говорить лишь притчами или молчать.

Эоническое учение, которое я здесь развиваю, имеет своим истоком старейшую духовную сокровищницу человечества: буддийское учение Кал-па, учение о четырех возрастах мира персов и иудеев (Книга Даниила), прастарые саги индусов и мексиканцев о вечной смене мировой гибели и обновления. Эмпедокл высказывал те же мысли следующими словами: «Мир находится в постоянном колебании от ненависти к любви и от любви к

* Эон — часть космического времени, эпоха.

ненависти. Всегда бывают целые эпохи борьбы и ненависти и так же неизменно, как время года, им на смену приходит новый расцвет светлых времен». Гераклит скрыл ту же идею за физическим положением: «Периодически происходит замена воды огнем и огня водой». Научно признать это положение нельзя, но метафизически оно содержит истину. Она отчетливо выступает, когда мы делаем ударение на замене, вместо того чтобы его делать на элементах, которые друг друга будто-бы заменяют. Гераклит хотел сказать о ритмике мировой истории. Это было то, что он имел в виду.

Во времена христианского средневековья и последующей нехристианской эпохи по разным, однако, причинам ритмическое мировоззрение было забыто. Средние века с их основным ощущением успокоенности были слишком статическими, новое время с его волей к власти — слишком жадным к движению вперед, чтобы рассматривать историю в виде волнообразного движения, вечного вверх и вниз. Но все же мысль о ритмичности окончательно не заглохла. Ее можно найти у Гете, находившего в мировой истории систолы и диастолы, наподобие биения некоего мирового сердца. Она имеется в учении Ницше о постоянном новоявлении и в шпенглеровской теории культурных типов. Эоническое учение живет в таких выражениях, как «дух времени» или «дух эпохи»; в таких названиях, как готика, барокко, рококо, отмечается, правда, лишь в частной области культуры, своеобразность нескольких поколений вне границ отдельных народностей. Очень ясно, наконец, говорит слово «современник» (в дословном переводе с немецкого «товарищ по времени»), что жизнь в одном и том же зоне не есть только малозначащая единовременность, но именно содружество во времени, определяемое общностью судьбы. Это содружество имеет, по меньшей мере, то же значение, что и принадлежность к одной нации.

Персы и иудеи с верной интуицией ограничили возрасты мира четырьмя. Действительно, имеются четыре сменяющие один другого прототипа. Они создают во времена своего господства гармонического, героического, аскетического и мессианского человека, которые отличаются друг от друга своим основным поведением в противопоставлении себя Вселенной. Гармонический человек переживает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией, не подлежащий ни человеческому водительству, ни оформлению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет мысли об эволюции, а есть лишь мысль о статическом покое. Мир — у цели. Так чувствовали гомеровские греки, китайцы Кунг-Тцэ, христиане готики. Героический человек видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой. Здесь все в движении. Миру ставятся цели, определяемые человеком. Так чувствовали античный Рим, романские и германские народы современности. Аскетический человек ощущает бытие как заблуждение, от которого он бежит в мистическую суть вещей. Он покидает мир без желания и надежды его улучшить. Так чувствовали индусы или греки неоплатоники. Наконец, мессианский человек чувствует себя призванным создать на Земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ошущали первые христиане и большинство славян. Эти четыре прототипа можно определить выражениями: созвучие с миром, господство над миром, бегство от мира и освящение мира.

Гармонический человек живет во всем мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое. Аскетический человек отвращается от мира. Героический же и мессианский выступают против него; первый — из желания полноты своей власти, второй — но имя задания, полученного от своего Бога. Гармонический и аскетический человек — статичны, два других — динамичны.

Гармонический считает смысл истории выполненным, аскетический — считает невозможным, чтобы он когда-либо был выполнен. Оба не ставят своему времени никаких требований. Героический же и мессианский человек хотят сотворить мир иным, чем тот, который им представляется в действительности. Это волнует и принуждает к напряжению всех сил. Поэтому их эпохи более подвижны и активны, чем все остальные.

Картины мира гармонического и мессианского человека родственны между собой. Но то, что первый считает уже имеющимся вокруг себя, то второй видит лишь как дальнюю цель. В обоих случаях мир есть возлюбленная, которой себя отдают для того, чтобы с ней соединиться. Героический человек рассматривает мир как раба, которому ставят ногу на шею; аскетический — как искусителя, которого следует избегать. Героический человек не смотрит покорно на небо, он полон жажды власти и злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация — его судьба, героизм — его жизненное чувство, трагика — его конец.

Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, но ищет разобщенное, чтобы его воссоединить. Им не движут чувства подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую надо осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем. Его не оставляют в покое стремление к всеобъемлющему и желание сделать его видимым и осязаемым.

Тот, кто смотрит на историю как на ритмическое течение сменяющихся прототипов, тот избегает искушения относить смысл и цель мира к какому-нибудь далекому, конечному состоянию. Ему не нужно выдавать вексель на какое-то неопределенное будущее. Для него, как для Ранке, все времена «равны перед Богом», даже времена героические, которые ничего не хотят знать о Боге. В каждой зоне заключается весь смысл всего. Так же, как пауза в мелодии, так и в космическом ритме — безбожные эпохи имеют свою функцию. Именно рядом с темными зонами вырисовываются светлые во всей их сияющей полноте. Только так возможно откровение божественного человеческого роду. Привыкшие к свету, пресыщенные светом глаза это божественное больше бы не замечали. Сумерки же укрепляют зрение и заставляют взор искать свет.

История представляет собой наиболее захватывающую картину как раз в тот момент, когда одна эпоха меркнет и за ней уже начинают вырисовываться очертания новой, когда линия ритмической волны меняет свое направление, когда она, достигая своей низшей точки, прекращает движение вниз и начинает двигаться вверх, к новому гребню. Это — междувременье, апокалиптические моменты человечества. В этот момент появляется ощущение, что все существующее рушится, хотя на самом деле происходит лишь вытеснение прежнего прототипа — новым. Но контраст между сегодня и вчера настолько резок, что человек переживает это событие, повторяющееся уже бесчисленное число раз, как особый исторический случай. Так возникают учения о делении истории на две части, свойственные особенно религиям; их рождение является всегда прелюдией к новым эпохам. Эти учения рассматривают прошедшее как ошибку, в лучшем случае — как передышку и только в будущем ищут смысла и оправдания, даже смысла и оправдания прошлого.

К этому междувременью принадлежит и XX столетие. Уже в течение десятилетий немногие, коим доступно обозрение перспектив общего разви-

тия, согласны в том, что на наших глазах что-то приходит к концу: по Мережковскому, это послеатлантическое человечество, по Унамуно — христианство, по Шпенглеру — тысячелетняя культура Запада, по Бердяеву — эпоха Ренессанса, по Фриду — капитализм. Однако это не только влияние настроений «сумерок века», которые по мнению некоторых прошлых умов будто бы характерны для начала нового столетия. Разве может ритм истории считаться с произвольно надуманными человеком датами.

Мы живем в переходное время — и это делает его столь же подвижным, сколь и противоречивым. Наше время полно тоски, но полно и надежд, оно пронизано в одинаковой мере предопределениями и обетованиями. В течение нескольких десятилетий мы переживаем мощные потрясения, характерные для междувременья между угасающей и нарождающейся эпохами. А, следовательно, на наших глазах умирает не раса и не культура, умирает эпоха.

В течение последнего тысячелетия на европейской почве выросли две эпохи: готическая и прометеевская. Готическая эпоха выросла из духовных потрясений XI столетия и продолжалась вплоть до XVI века. Она была воплощением прототипа гармонического человека. (Для того чтобы не быть неправильно понятым, подчеркиваю, что понятие «готический» я не ограничиваю ни пространством, населенным германской расой, ни пределами распространения готического художественного стиля.) Весь пронизанный ощущением вечности готический человек обращал свой доверчивый взор вверх. Все более и более молитвенно возвышались его храмы к небу. Земной ландшафт забывался, готический человек занимался лишь спасением души, обращением к Богу и упокоением в лоне его благости. Между 1450 и 1550 годами происходит, однако, огромная перемена, переход в прометеевскую эпоху, стоящую под знаком героического прототипа. Новый человек обращает свой взор на землю, в широкие дали по всей земле, а не на безграничные высоты, как раньше. Только тогда становятся возможными крупные географические и физические открытия. Новый человек стремится больше не к спасению души, а к владению миром. Он хочет быть господином на земле, а потому Бог ему не нужен. Я называю его прометеевским человеком по имени гордого титана, восставшего против богов, по имени хитрого владыки сил природы, по имени Предвидящего «дух территории», желавшего создать мир по собственному образу и подобию.

И опять прошли 500 лет, и опять стоим мы на пороге новой эпохи. Сегодня над прометеевской культурой нависли мрачные тучи судьбы, из которой в нее должны ударить смертельные молнии. Европа идет к своей самой кровавой катастрофе; она приближается к концу, неизбежно заложенному в ней при самом ее рождении. Этот рок нельзя больше остановить, камень катится, и не только с 1914 г. — он катится уже в течение четырех столетий. Но брезжит на горизонте розовая утренняя заря нового мира: возвещается иоанническая эпоха, несущая человеку мессианский прототип. Она будет иметь родственные черты с эпохой готической, а потому будет эту эпоху столь же почитать и ею любоваться, сколь прометеевский человек ее презирал и ненавидел. Европа стремится со всей силой как раз к тем идеалам, которые уже осуществлялись в средние века. А потому, хотя и бессознательно, стремится она все резче и резче в некоем акте всеобщего уничтожения освободиться от всего того, что лежит между ней и готикой. Именно к этому идет с такой динамической страстностью все развитие последних десятилетий. Новый зонический прототип ищет своего воплощения в человеке. Европа, магически привлекаемая ликом нового, начинает ненавидеть заканчивающуюся эпоху, эпоху, стоящую еще под знаком прежнего прототипа.

Я называю новый эон иоанническим по Евангелию от Иоанна, ибо ему как раз в необычной степени свойственны дух солидарности, примирения

и любви. И особенно думаю я о стихе 17, 21, где горячее желание переходит в молитву: «Да будут все они воедино». Эта борьба за вселенскость станет основной чертой иоаннического человека.

Тут возникает одна трудность: несомненно, существуют группы лиц, проникнутые духом единого зона и все же не покрывающие друг друга во всех чертах своего существа. Существуют национальные различия. Некоторые народы обладают свойствами, переживающими смену прототипа. Широко распространено мнение о существовании ярко выраженных черт национального характера, душ народов, остающихся неизменными во времени. В жизни общества, следовательно, должны действовать одновременно постоянные и меняющиеся факторы. Перемены производят эонические прототипы. Каковы же постоянные силы истории?

Это дух ландшафта, «дух территории», он перекрещивается с духом эпохи. Наряду с эоническими прототипами месторазвитие и климат соучаствуют в оформлении человека. Они накладывают свой отпечаток на каждую черту, благодаря которым различаются расы и народы. В молениях местным богам и отдается должное этим силам, чарам пространства, статическому принципу истории.

Из духа ландшафта вырастает народная душа. Он чеканит в ней ее постоянные национальные свойства. В бесконечных, непресеченных, широких равнинах человек отдаст себе отчет в своей ничтожной малости и потерянности. Величаво и тихо смотрит на него вечность и тянет его прочь от земли. Так зарождаются религии. Как много значили в религиозной судьбе человечества степи Китая и России, равнины Индии, пустыни Сирии и Аравии! Будда получил божественное озарение на широких равнинах Патны. Для того, чтобы воспринять откровение, другие основатели религий, как Христос, уходили в пустыни.

Совсем иной человеческий тип создают горы. В то время как степь не имеет ни границ, ни имени, в горах каждая вершина, каждая долина имеют свое название и свою индивидуальность. Это благоприятствует укреплению в человеке самостоятельности, но также развивает в нем себялюбие и замкнутость. Это защищает от искусственной централизации, но создает и опасность раздробления. Эллада и Швейцария тому примеры.

Суровые местности делают человека твердым, деятельным и заботливым о будущем. Теплые же и плодородные местности развивают стремление к созерцательности. Резкая грань между Севером и Югом, необъяснимая свойствами крови, проходит через большинство народов Земли: через итальянцев, испанцев, французов, немцев, через Китай с его северным городом (Пекином) и его южным городом (Нанкином), через североамериканский континент, где разница между северным и южным человеком вызвала самую кровавую войну американской истории. Америка является во всех отношениях характерным примером волшебных чар пространства, зависимости души от земли. Американский континент, куда направлялись переселенцы стольких рас, обладает силой создавать новый тип из этой смеси крови, причем тип, явно отличающийся от тех народов, чью кровь он воспринял. За фасадом вывезенной из Европы цивилизации вновь возрождается старая индейская душа (например, в преступных сообществах больших городов). Другим примером могут служить евреи, совершенно различно развивающиеся в зависимости от стран, давших им гостеприимство. Еврей в Германии гораздо ближе немцу, еврей во Франции ближе французу, нежели оба они — еврею русскому. Мрачная мистика хасидизма могла произрасти лишь на восточной почве, в то время как кристально ясная система Спинозы там никогда не могла бы возникнуть. Третий пример оформляющейся силы ландшафта я беру из русской истории. Владимир,

киевский великий князь, обративший русских в 988 г. в христианскую веру, племянник нормана Ингваря-Игоря, был северного происхождения. Тем не менее, благодаря своему мягкому, примиряющему характеру, он с самого начала был воспринят, описан и оценен как настоящий славянский князь. Как Владимир Святой вошел он в национальную историю России. Силы земли более первоначальны и крепки, нежели силы крови. Силы месторазвития меняются в течение миллионов лет. Если мы на них наложим короткий масштаб человеческой истории, то они покажутся постоянными, в то время как силы крови, как все живущее, подвержены закону старения. Англичане проявляют большую чуткость, когда они отдают предпочтение «праву территории» над «правом крови»: каждый человек, родившийся на английской территории, приобретает английское гражданство, вне зависимости от происхождения и государственной принадлежности своих родителей.

Народы и расы не являются ничем первоначальным, они являются образованиями, формируемыми духом ландшафта. Чуждые расы поэтому становятся сходными при сожительстве на общей земле и родственные расы становятся разными на различной земле. Можно разве себе представить больший контраст между индусами и германцами, хотя они и принадлежат к индогерманской расе? Романцы и германцы более далеки индусам, нежели семитам Ближнего Востока. Стоит сравнить правовую одаренность старых вавилонян (Хамураби!), религию законов иудеев, юридическую культуру римлян, лютеранскую идею оправдания с идеалами отсутствия насилия индусов от Ведд до Ганди, с гнушением силой у русских от их истоков до Льва Толстого, дабы убедиться, что линия раздела идет поперек рас: индусы и русские стоят по одну сторону этой грани, а семиты, римляне, романцы и германцы — по другую. Происхождение многих русских писателей показывает, насколько силы месторазвития оказываются более мощными, нежели силы крови. Как раз те писатели, которые действуют как наиболее истые русские, имеют в своих жилах наибольший процент чуждой крови. Среди ближайших предков Пушкина имеется негр, Лермонтова — шотландцы, Жуковского — турки, Некрасова — поляки; Достоевский с отцовской стороны был литовцем, Л. Толстой — потомок немцев-переселенцев. Наоборот, Тургенев является чистокровным русским, однако именно он производит наиболее европейское впечатление.

Кровь и месторазвитие суть два различных элемента, как понятия они не имеют между собой ничего общего. Принцип крови руководит кровными союзами, объединениями всех людей единой крови, вне зависимости от того, где они живут. Принцип месторазвития обуславливает территориальное единство, объединение всех лиц, живущих на том же пространстве, вне зависимости от их крови. Внутреннее противоречие обоих понятий является предметом спора персонального и территориального принципов современного уголовного и гражданского права.

Дух ландшафта обуславливает различия в пространстве, дух эпохи — различия во времени. Если бы не было никакого (расообразующего) духа ландшафта, то все люди одной и той же эпохи должны были бы быть одинаковыми в своих основных духовных качествах. Если бы не было никакого (меняющего расу) духа времени, то все люди одинакового ландшафта должны были бы быть сходными в своей сути. Одной из многих бессмысленностей современности является употребление формулы «кровь и земля», как если бы дело шло об одном и том же.

Против учения об зонах должны выступить наиболее резким образом представители расовой теории. Согласно их понятиям, расы и народы являются носителями судеб мира, влияние же окружающей природы, ланд-

шафта, климата, национальной истории не имеет большого значения. Силы зона характеризуются как нарушающие правильное течение поперечных волн, действия которых надо по возможности исключить. Пестрота истории объясняется сменой наций, берущих на себя водительство. Перемены же внутри каждого народа объясняются как различные стадии его развития. Законы жизни, которым, несомненно, подчинены в общих чертах и народы как организмы, отнюдь не оправдывают сами по себе наблюдаемые радикальные изменения народной жизни. Открытым остается вопрос: как может случиться, что целый народ, как, например, греки, заканчивает свое развитие на полюсе, противоположном своему началу? Ведь превращение в свою противоположность отнюдь не отвечает сущности организма.

Люди одной крови, но различных эпох, отличаются друг от друга не только той или иной стадией своего возраста, но радикально всем своим существом. Большие эпохальные перемены XVI столетия не могут быть объяснены судьбами крови. Объяснение Реформации как протеста германского народа, достигшего своей зрелости, мало убедительно. Тут, несомненно, начинает действовать духовный принцип, не выводимый из осязательной действительности: закон смены эонических прототипов. Нужно отказаться от его рационального объяснения и довольствоваться тем, что он рационально необъясним. Поиски материальных причин, которые ничто не могут доказать, были бы напрасной тратой сил. В эпоху 1500-х годов не было больших открытий, которые могли бы изменить душевный характер. Наоборот, жажда их предшествует самим открытиям. Они не творят новое жизнеощущение, они его доказывают. Иными словами, они не являются причинами большой душевной перемены, а ее следствиями. Почему она происходит, почему именно в это время и в этой форме — ответ на этот вопрос всегда останется покрытым метафизической тайной.

Расовая теория ведет к зоологическому пониманию истории, рассматривающему культурную судьбу человечества из животных перспектив. Она так же материалистична, как и экономическое понимание истории марксизмом. В противоположность им обоим, эоническое учение иррационального понимания истории вновь делает ударение на духовной стороне человеческого существования и возвращает человеку обратно его достоинство и самоуважение, которых его лишили материалистические мировоззрения.

Результаты предыдущих рассуждений я резюмирую следующим образом: есть два фактора, определяющих человеческую историю,— постоянные силы месторазвития и переменные силы экономического прототипа. Сочетание и противоборение этих двух противоположных принципов, земного и духовного, и борьба между прототипами составляют содержание культурных судеб, поэтому столь трудно поддающихся научному объяснению.

Смена эпох исключает возможность образования твердых национальных характеров. Имеются только отдельные национальные свойства, и именно те, которые связаны с месторазвитием. Они выступают с разной силой, смотря по тому, с какими эоническими прототипами они совпадают. К характеру каждой эпохи принадлежит и манера человека переживать ландшафт: доверяясь его силам или, наоборот, от них отвлекаясь. Поэтому даже при постоянных национальных свойствах их интенсивность подвергается колебаниям. В общем духовном облике народа они могут занять ведущее положение, но они могут и настолько затемниться другими свойствами, что покажутся полностью заглушенными.

Когда постоянные национальные свойства совпадают с основными чертами эонического прототипа, народ достигает своего культурного зенита, который может совпадать или нет с зенитом его политической мощи. Если дух ландшафта сходен с духом эпохи, то они друг друга подкрепляют и усиливают свое действие. Несходство же их вызывает среди людей мучи-

тельные судороги и конфликты. Россия последних двух десятилетий являет собой потрясающий пример возможности раздвоения между духом ландшафта и духом зона.

Развивающийся прототип не всюду встречает одинаковые местные условия. Там, где он находит их удобными, он легко и свободно проникает в мир действительности, в другом же месте он наталкивается на жесточайшее сопротивление. Так своеобразно связана судьба зона с характером ландшафта. Иными словами: каждая эпоха имеет свои региональные основания и предпосылки. Эти тонкие соотношения между зоной и ландшафтом были ясны пророку Даниилу, когда он предвиденье четырех возрастов мира сочетал с мыслью о четырех царствах — гениальное прозрение темных зависимостей. Хотя это и не было высказано отчетливо, но Даниил думал, что с переменной зона меняется и арена истории. Выдвигаются постоянно те народы, которые в своих постоянных национальных свойствах, т. е. в силах своего ландшафта, обладают наилучшими условиями для воплощения человеческого типа, долженствующего осветить всю эпоху. Так становится ясным возвышение Пруссии среди немецких племен, растущий перевес немецкого Севера над Югом и Западом; этот перевес становится тем более ясным, чем больше прометеевский тип побеждает (не только в Германии!) прототип готической эпохи. Немец не потому стал более пруссаком, что Пруссия взяла на себя водительство Германии, а наоборот: Пруссия возвысилась, ибо ее племенные свойства делали ее наиболее пригодной для воплощения общего идеала времени. Пруссаки, как и его ландшафт, холоден и трезв, расчетлив и без фантазии, интересуется только политикой, делами и войной. В известных границах именно такой человеческий тип должен был взять на себя водительство во время безрелигиозной эпохи, направленной на земные достижения. Пруссаки, наряду с англо-саксом, были образцом своего времени. Именно таким, каким он всегда, по существу, был, старались стать другие. Ему подражали русские со времен Петра I, итальянцы со времени Муссолини, японцы за последние десятилетия.

Эмансипация и захват власти евреями в течение последних 150 лет тоже могут служить примерами тому, как народ становится духовно и душевно тем влиятельнее, чем более его постоянные свойства соответствуют прототипу эпохи. Европейец, увлеченный прометеевским идеалом (особенно европейец северный с его деловым нюхом и рационализмом), становится все более и более похожим на еврея в изгнании и все более и более доступным их влиянию. Во времена готики вести дела и отдавать деньги в рост считалось позорным. Теперь же все завидуют тому, кто это делает наиболее успешно и с наименьшим зазрением совести. Прометей все больше и больше принимает черты Агасфера, вечного, гонимого жида. Это случается отнюдь не потому, что евреи в течение многих поколений соучаствовали в выработке европейского образа мышления, наиболее им благоприятного. Для этого у них нет достаточно духовных, особенно духовных, и материальных сил (безнадежная необразованность постоянно осуждалась средневековыми летописцами как одна из их отличительных черт). Случилось действительно так, что душевные изменения, происходившие внутри западноевропейского человека со времен Реформации, пошли на пользу евреям, но они были ими использованы, а отнюдь не причинены.

Готическая эпоха создала духовное единство Европы. До этого времени в Европе были лишь племена и народности. С угасанием готической эпохи остались лишь отдельные образования, национальные государства. То, что мы в настоящее время еще имеем в качестве европейского общего чувства — есть лишь жалкие остатки почти полностью растрченного драгоценного наследия. Факт и понятие Европы принадлежат готической культуре. Это была синтетическая культура; в ней преобладали цементирующие силы, а

потому одной из ее главных задач были устранение противоположности между Севером и Югом и борьба с региональным раздроблением. В римских походах германских императоров, в создании Римской империи германской нации и даже в схоластическом мышлении обнаруживается мощное стремление к слиянию готически-христианской и античной средиземноморской культуры. Несмотря на это северо-южный конфликт чувствовался во все время готической зона; его влияние проникает глубоко и в прометеевские времена. Даже жизнеощущение Гете стоит под этим знаком. Вторая часть Фауста является грандиозной, хотя и неудачной попыткой примирить Север с Югом, германца с греком. Вместе с романтикой, последним отголоском готической культуры, прекращается притягательная сила Юга. Что для современного европейца античные культуры? Воспоминания, душевный отдых, привязанность. Но не больше, не судьба!

В прометеевскую эпоху главенствуют разъединительные силы. Они развились сразу же и в региональном направлении. Прометеевская культура начинается отпадением Севера от европейской общности. Это произошло сначала в церковной сфере, в виде Реформации. Дело Лютера повторил в политике Фридрих II Прусский. В обоих случаях дело идет об одном и том же — о протесте Севера, о покушении на европейское единство. Прометеевская культура не ищет более примирения с культурами Средиземноморья, она их ненавидит и стремится от них освободиться. «Прочь от Рима!» — таков лозунг. Новая культура есть северная культура. В Шпенглеровском резком различии между фаустовской и античной культурами, в отрицании всякой зависимости одной от другой особенно ярко обозначилось своеволие северной культуры. Чем больше она торжествовала, тем дальше на север продвигался европейский центр тяжести. В жестких людях северных стран готический прототип нашел подходящий себе материал. Развитие протекает в ясной закономерности, без рывков, постепенно. Оно длится столетиями до тех пор, пока доминирующе не утверждается Север. Еще XVI столетие принадлежит итальянцам и испанцам. С правом называют французы XVII век своим «великим веком». Затем водительство переходит к Германии. Наконец, в борьбу вступают англосаксы и скандинавы. Этим утверждаются отступничество и победа Севера. Нижнегерманцы и англосаксы, пруссаки и пуритане — вот кто, собственно говоря, являются титанами современной технократии.

В иоаннитическую эпоху центр тяжести еще раз переместится, ибо эон мессианского человека с его религиозной душой не может согласиться с духовным водительством прижатых к земле северных народов. Он передаст его в руки тех, кто обладает стремлением к сверхземному, в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, в особенности русские. Огромное событие, которое сейчас готовится, есть восхождение славянства как ведущей культурной силы.

Как бы это неприятно ни звучало для некоторых — такова историческая судьба; ее никто не может остановить: ближайшие столетия принадлежат славянам. Северная культура гибнет, на ее место становится восточная культура. Иоаннитическая эпоха будет эоном славян.

Серьезное отступление неизбежно для получения перспективы, из которой мы рассматриваем западно-восточную проблему. Эта перспектива должна быть такою, чтобы не допустить превращения исследуемого вопроса в частный исторический или политический случай. Для того, чтобы понять взаимоотношения и зависимости между Востоком и Западом во всей их значительности, проблему надо поставить в широкие рамки общего мировоззрения. Ее надо связать с глубинными вопросами человеческого бытия. Иными словами, ее надо сделать предметом философии, ибо тот, кто изучает историю не будучи философом, является лишь простым хроникёром.

Русские с их развитой способностью к лицецерению целостности постоянно

и ясно чувствовали, что ничего не должно рассматриваться в отдельности. С того момента, как они стали заниматься сами собой, их мысли вращаются, от Чаадаева до евразийцев, вокруг вопроса: кем мы являемся по отношению к Европе? Младшими или только более молодыми, или просто иными наследниками европейской или предвестниками новой, восточной культуры? Этот вопрос привел к более общему: в чем состоит разница между народами — в возрасте или противоположности типов? А это уже граничит с большой проблемой: чем являются определяющие факторы истории? Каков смысл истории?

Кто так смотрит на судьбы народов, тот расширяет свое рассмотрение до ранга общей культурной философии. Таков стиль и настоящей книги.

(Продолжение следует)

© В. Поремский — перевод на русский, 1992